

УДК 81.276.3

ТЕОРИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

канд. филол. наук, доц. М.Д. ПУТРОВА
(Полоцкий государственный университет)
m.poutrova@psu.by

Интерпретируются значимые бинарные оппозиции, бессознательные структуры, с помощью которых возможно проникновение в сущность проблемы гендера. Показывается конструктивность теории дополнительности, предлагающей дополнение, инклюзию как главный принцип постижения сущности реалий мира, коммуникативного поведения, языка и гендерных стратификаций в нем. Несовместимости составляют суть дополнительности. Задача гендерных исследований языка состоит в установлении значимых языковых несовместимостей, различий, позволяющих создать образ целого – всей палитры гендерной дифференциации в языке и речи.

Ключевые слова: бинарные оппозиции, свой/чужой, сексизм, власть, доминирование, событие, другой, уважение, несовместимость, множественный подход, инклюзия, равновесие, речевые действия.

Введение. Суть человеческого мышления заключается в упорядочивании, категоризации мира при помощи бинарных оппозиций, определенных бессознательных структур, которые задают универсальную логику мышления [1, с. 173].

Актуальность настоящей работы заключается в идентификации и терминологическом обозначении тех фундаментальных основополагающих структур, с помощью которых возможно проникновение в сущность проблемы гендера, в последнее время все чаще привлекающей внимание не только исследователей в самых разных областях знаний, но и ставшей темой обсуждения массового читателя, получившей широкий общественный резонанс.

Новизна работы состоит в привлечении теории дополнительности в качестве основания для интерпретации и объяснения сути гендерных модификаций в языке и речи. Основания, позволяющего осмыслить полученные данные и наметить пути дальнейших исследований с новых перспектив.

Цель работы состоит в обосновании методологической значимости теории дополнительности для гендерных исследований вообще и изучения гендерно обусловленных модификаций в языке и речи, в частности.

Вытекающими из поставленной цели задачами правомерно считать следующие:

1. Идентификация сущности тех бессознательных структур – бинарных оппозиций, которые лежат в основе работ по проблемам языка и гендера.
2. Обсуждение сущностных характеристик теории дополнительности.
3. Аргументированное доказательство преимуществ данной теории для дальнейших исследований гендера, в том числе в плане его языковых проявлений.

Основная часть. Понятие языковой оппозиции предполагает лингвистически существенное различие между единицами плана выражения, которому соответствует различие между единицами плана содержания [2, с. 348]. Или, говоря словами популярного словаря – справочника лингвистических терминов, – оппозиция подразумевает противопоставление двух или нескольких однородных единиц языка, организуемое для выявления различий между ними [3, с. 241]. Самые разные направления лингвистики широко используют данное понятие и метод рассмотрения языковых особенностей, расширяя перечень значимых контрастов, вводя в него все новые и новые их обозначения. В частности, оппозиция «свой/чужой» стала весьма актуальной для лингвокультурологических исследований.

Значимость данной оппозиции убедительно показана во многих трудах лингвокультурологической направленности на самых различных уровнях, включая и тот, который эксплицирует гендерно специфическую маркированность высказываний [4, с. 10]. Культурологический признак «свое/чужое» интерпретируется как один из базовых параметров отделения себя от других в любой социальной группе. «Пространство, которое определяется как "наше", "свое", "культурное", "безопасное", противопоставит их пространству, "чужому", "враждебному", "опасному", "хаотическому"» [5, с. 175]. Примечательно, что с точки зрения лингвистики сват, свояк, свояченица, свекровь – все оказываются в одной группе своих, противопоставляясь чужим, не своим, опасным [6, с. 361].

На первый взгляд может показаться, что приведенное ранее утверждение В.А. Масловой о значимости противопоставления «свой/чужой» [4, с. 10] проблематично для постижения сущности гендера. Но рассмотрение результатов конкретных исследований в данной области, особенно в англо-американском

направлении, убеждает в обратном. Тот эмфатический поиск агрессора, который лейтмотивом сопровождает даже не самые знаковые работы в данной области [7, p. 145], позволяет полностью согласиться с автором. Да, именно данную оппозицию правомерно считать базовой для всех работ, в которых подробно и весьма убедительно излагается сексистский подход в использовании языка, раскрываются гендерно-специфические особенности распределения властных полномочий в обществе и вытекающие из них характерные черты мужского доминирования в языке и речи. Неслучайно любые отступления от данного подхода в интерпретации проявлений гендерных дифференциаций неизбежно вызвали жесточайшую критику позволивших себе такую неосмотрительность авторов. Достаточно привести в пример полемику по поводу так называемой теории различных интерактивных стилей Д. Танен. Последние, в соответствии с точкой зрения автора, вытекают из различий, характеризующих те субкультуры, в которых происходит социализация мужчин и женщин в каждом языковом сообществе [8, p. 85]. Убедительные данные автора, полученные на основе анализа наблюдений и записей подлинного общения, тем не менее, подвергались сомнению по той простой причине, что признание различий могло способствовать отвлечению внимания от теорий доминирования и укоренению традиционных представлений об ингерентном характере межгендерных дифференциаций [7, p. 145].

Доминирование и то или иное проявление властных полномочий в качестве основного, определяющего начала усматривается в основе любого гендерно-специфического отличия в полном соответствии с замечанием-предупреждением С. Батлера о том, что в научных исследованиях необходимо принимать во внимание всю совокупность связей, отношений и факторов, с которыми вступает во взаимодействие рассматриваемый феномен. Иначе, изучая сущность только одного фактора, отталкиваясь сугубо от его возможностей и исходя исключительно из него самого, мы неизбежно обнаружим, что во всей вселенной не имеется ничего, ни одного явления, ни одного уголка, в особенностях которого не обнаружится проявление данного фактора [цит. по 9, p. X]. Причем, единственно значимого, если судить по акцентам теорий сексизма и властных полномочий.

Невозможно отрицать установленные многочисленными асимметрии в интерпретации языковых номинаций, использовании языковых единиц в речи, распределение молчания в актах коммуникативного поведения. Вместе с тем проблематично все из них истолковывать только с позиций теорий сексизма, доминирования и власти [10, 11]. Представляется, что сказанное в не меньшей степени справедливо и в отношении оппозиции «свой – чужой». Ее наименование очевидным образом семантически далеко не нейтрально. Оно перегружено нежелательными для научных исследований коннотациями и соответствует тому, что в традициях английской лингвистики называется *semantically loaded*, то есть семантически пристрастно [12, p. 62].

Показателен в данном плане анализ индоевропейских слов, соотносимых с понятием «свой», проведенный Э. Бенвенистом, в ходе которого он устанавливает, что сема «свой» первоначально возникает из осознания кровного родства некоторой группы людей (рода, клана), в пределах которого возможно ощущение себя свободным. Свободными от рождения, свободными по рождению, что позволяет противопоставить себя другим – чужим, врагам, рабам. Индоевропейская основа *swe, прослеживаемая и в слове «свой», входит в древние составные слова: *swe-sor (сестра), *swe-kru (свекровь) и др. Примечательно, что в таком случае все обозначения некоего единства, сообщества с основой *swe относятся к родству в силу породнения, к свойству, а не к кровному родству, например, «сват, свояк, свояченица» [6, с. 361]. Сюда же входят слова «себя – свой – свобода». Это одно этимологическое гнездо, хотя в настоящее время родственность приведенных слов, как правило, носителями языка уже не осознается. Весьма показательны, что с помощью теории доминирования и властных полномочий можно легко противопоставить многие из составляющих семантического поля «свой», предоставить убедительные примеры уничтожения или злоупотребления властными полномочиями, связанными с ним реалиями мира. Достаточно вспомнить острые отношения, случающиеся между свекровью и невесткой, тещей и зятем, особенно в русской культуре. Данные противоречия, однако не принимаются во внимание во имя постижения более фундаментального, более значимого объединяющего начала, лежащего в основе семантического поля «свой», позволяющего глубоко проникнуть в его сущность. Аналогичный выбор, на наш взгляд, целесообразно сделать и в гендерных исследованиях. Ведь гендер, по верному замечанию Д. Камерон, это проблема, которую предстоит еще осмысливать и решать [13]. И сущность гендерных отношений все-таки не укладывается в основополагающую лингвокультурологическую оппозицию «свой-чужой», хотя она и соответствует наиболее громко заявившим о себе перечисленным ранее теориям.

Гораздо более убедительной представляется другая оппозиция, которой стремятся придерживаться целый ряд менее ортодоксальных исследователей, полагающих, что противопоставление «я – другой» есть та базовая структура, которая позволяет концептуализировать гендерные расслоения во всех их проявлениях. Представляется правомерным отдать должное приверженцам данного подхода. Действительно, как известно, «другой» в современной философии подразумевает персонально-субъективную артикуля-

цию феномена, обозначенного классической философской традицией как «свое иное» (Гегель), а в современной философии постмодернизма обретает статус базового, основополагающего [14, с. 342].

Продуктивность и значимость открывающихся с помощью данного противопоставления существенных характеристик контрастируемых явлений убедительно показана во многих трудах виднейших представителей современной философии, герменевтики, экзистенциального психоанализа, концепции языковых игр. Свое иное соотносится прежде всего с идеями «коммуникативного существования», «бытия-с» М. Хайдеггера, «со-бытия с Другим» у Ж.-П. Сартра, «отношения Я – Ты вместо Я – Оно» у М. Бубера, «преодоления отчаяния благодаря данности Ты» у О.Ф. Больного [14, с. 342], «alter ego» Ж. Деррида [15, р. 94]. Мне нужен другой, пояснял Сартр, чтобы целостно постичь все структуры своего бытия [16, р. 162]. Фактически об этом же говорит П. Рикёр, аргументированно доказывающий, что исходный образец связи обнаруживает себя в языке. Весьма показателен в этом плане обмен личными местоимениями в актах общения, когда коммуникант говорит другому «ты», а тот понимает это для себя «я». Когда же он обращается к коммуниканту «ты», тот так же интерпретирует данное местоимение для себя как первое, то есть как «Я». Каждый, кто говорит «Я» адресуется к Другому [17, р. 113–139]. Смысл бытия есть, в соответствии с мыслью Сартра, быть увиденным другим [16, р. 180]. Причем, как убедительно суммирует современная герменевтика, увиденным не в уничижительном или в каком бы то ни было деррогативном плане, а обязательно с позиции уважения [18, с. 21]. Бытие-с предполагает уважение к другому, терпение и взаимопонимание, что аннулирует некоторое семантическое неравенство позиций «Я» и «другой», хотя и несопоставимое с оппозицией «свой» и «чужой».

Весьма убедительно данную мысль, то есть необходимость уважения, как уравнивающего фактора, разъясняет так называемый принцип дополнительности, принятый в широко резонансной теории современной физики. На наш взгляд, он наиболее точно и исчерпывающе описывает отношения, которые целесообразно положить в основу интерпретации сущности гендера и его основополагающей оппозиции. Мы интерпретируем термин дополнительность в соответствии с широко известной и ставшей поистине революционной в естествознании теории дополнительности Н. Бора. К 1926 году в физике сформировались две системы описания атома: матричная механика Гейзенберга и волновая механика Э. Шрёдингера [19, с. 166]. Первая доказательно представляла электрон как частицу, вторая – как волну. При этом обе теории были, несомненно, верными и подтверждались экспериментальными данными. Возникал вопрос: как такое могло быть и как следует интерпретировать названное очевидное противоречие? Ответ на данный вопрос был найден Н. Бором и представлен в его знаменитой теории дополнительности, которая в корне изменила понимание мира физиками. Ее революционизирующий смысл состоял в том, что не нужно выбирать между представлением об электроны как о частице или волне. Данные классические образы не исключают, а дополняют друг друга и только вместе могут достаточно полно описать объемную реальность мира. Примечательно, что Н. Бор был уверен в возможности применения сформулированного им принципа в других областях знаний – от биологии до социологии, философии и религии. В частности, размышляя о дополнительности культур, он убедительно показывает, что всякой человеческой культуре, замкнутой в себе, свойственно националистическое самодовольство, и что следует признать дополнительность разных культур как решающий фактор, позволяющий им вместе, в своей совокупности, создавать культуру человека [19, с. 168].

Симптоматично, что из всех своих многих заслуг перед человечеством, Бор выбрал именно принцип дополнительности в качестве главного своего достижения и даже обозначил его на своем гербе. На изображенном на нем щите четко очерчен круг, наполовину светлый, наполовину темный, образованный слиянием двух криволинейных фигур, представляющих древнекитайский символ инь – янь. Девиз над щитом гласил на латинском языке, что «Несовместимости суть дополнительности» [19, с. 170]. Данный девиз, на наш взгляд, предлагает весьма конструктивную идею для интерпретации языка и вербального поведения, особенно в плане гендерной их вариативности. Он позволяет осуществить по-настоящему целостный, холистический подход к объяснению сущности языка, коммуникативного поведения и гендерных стратификаций в них.

Справедливо признать, что идея дополнительности (или комплементарности) уже высказывалась исследователями и ранее, особенно в сопредельных областях. Так, выдающийся герменевт и философ Ф. Шлейермахер в своем небольшом трактате «Празднование рождества или канун рождественских праздников: диалог об инкарнации» сделал важные замечания по поводу значимости гендерных вариантов употребления языка [20]. Данный трактат весьма подробно и доказательно описывает разговоры прихожан, мужчин и женщин, в семейном кругу после их возвращения из церкви о значимости рождественских праздников. Мужчины чаще всего обсуждают концептуальные трудности инкарнации. Их маскулинный принцип организации интерактивного процесса основывается, главным образом, на сравнении и анализе. Женщины, напротив, предаются воспеванию гимнов Иисусу, которого воспринимают и знают чисто интуитивно, супра или сверхрационально, главным образом опираясь на некий более непосредственный опыт отношений с ним, и поэтому они выбирают язык, отражающий собственные пережи-

вания. Шлейермахер комментирует данную инаковость в осмыслении и языковой репрезентации рождества и сущности инкарнации как вполне правомерную и полагает, что женщины, безусловно, тоже правы, однако, к сожалению, их опыт вербального поведения пренебрегается, остается неосмысленным. Исследователь доказывает, что фактически оба подхода – более дивинаторный (фемининный) и аналитический, сопоставительный, анализирующий (маскулинный) – находятся друг с другом в отношениях комплементарности или дополнительности, в терминах теории Н. Бора, а не противопоставления. Оба подхода, убежден философ, необходимы для постижения глубины объекта. Фемининный принцип, однако, по мнению автора, церковью пренебрегался. Между тем каждый из данных подходов или методов ведения разговора предполагает существование друг друга или, в терминах автора, другого [20]. Чтобы понять людей, их язык и окружающую их действительность, следует начинать с целого, с учетом обоих основных способов интерпретации мира [21, р. 166].

Что произойдет, если мы сосредоточим свое внимание только на одном из данных методов? Отвечая на данный вопрос, Шлейермахер аргументированно заявляет, что, следуя только дивинаторному методу, мы сделаем наши интерпретации слишком неопределенными, туманными. Если же, напротив, ограничимся только сравнительным, аналитическим методом, то рискуем превратиться в педантов [21, р. 151].

На первый взгляд может показаться, что его замечания касаются только так называемого дивинаторного аспекта процесса общения – обсуждения и толкования культовых тем и текстов. Современные исследования в области лингвистики и герменевтики, однако, убедительно свидетельствуют о том, что понимание и интерпретация предполагают использование множественных подходов. Что существует огромное разнообразие способов постижения сути объекта, ибо, как утверждает Шлейермахер, любой акт говорения, любое речевое действие соотносится: а) как со всей совокупностью взаимоопределяющих сущностей языка, так и б) со всем разнообразием мыслей и жизненного опыта говорящих и слушающих субъектов [21, р. 97–98].

К сожалению, данные выводы известного философа и герменевта не были приняты во внимание. Более того, они остались незамеченными даже теми, кто специально занимался историей вопроса изучения языка в гендерном плане. Исследователи в области гендерных исследований, особенно их герменевтического направления, вынуждены были открывать его заново.

В настоящее время герменевтика в том виде, в каком она представлена в гендерно ориентированной ее части, объединяет почти все главные выводы и положения герменевтической теории. На теоретическом уровне она предлагает важнейшую модель социально-практической герменевтики. Модель основывается на принципе, что все тексты, в том числе и библейские, истолковывались таким образом, чтобы усилить и легитимизировать второстепенную или подчиненную социальную роль женщины. Данное обстоятельство побуждало к изменению и дополнению традиционной герменевтики. Вот здесь и возникает главная проблема настоящего исследования. Какой критический принцип должен быть использован для того, чтобы восстановить равновесие, добиться полноценной интерпретации существующих текстов? Разные направления гендерных исследований, в том числе и герменевтической их области, по-разному отвечают на данный важнейший вопрос. Наиболее шумным, всколыхнувшим общественное мнение и широко известным является так называемое сексистское направление [22, с. 200–201]. Но наиболее оправданным и аргументированным среди них, по нашему убеждению, правомерно считать то, которое разрабатывается в рамках библейской герменевтики, особенно в трудах Р. Рутер. Последняя в качестве главного оружия в попытке переосмысления, реинтерпретации текстов и мира, видит обращение к опыту женщин, включение его в арсенал опыта человека. Ведь именно он (женский опыт) был исключен из герменевтики [23, р. 112–113]. Важно при этом учитывать то, что исследователи-женщины не должны обратить «грех сексизма» в противоположную сторону, ущемляя мужскую часть человечества. Они «должны искать постоянно расширяющееся определение инклюзивного человечества, включающего все гендерные и социальные группы, все расы» [23, р. 116]. Поступая таким образом, человечество получит ключ к трансформации всех.

Представляется, что идеи Р. Рутер и других исследователей данного направления полностью соответствуют принципу дополнительности Н. Бора, позволяющему увидеть объект во всей его полноте. В нашем случае таким объектом является язык. Главная проблема при заявленном подходе состоит в том, чтобы сделать женский опыт говорения и письма, частный и маргинальный в традиционном сознании, достоянием всех. Неоценимую помощь в решении данной проблемы могут оказать тексты подлинного общения. Ведь любой аутентичный текст прекрасно запечатлевает и репрезентирует опыт и взгляд на мир создающего его говорящего или пишущего субъекта, как мужчины, так и женщины, представляет их предпочтительные способы языковой манифестации интерпретируемой ими окружающей действительности и событий в ней.

В настоящее время лингвистика имеет в своем распоряжении целый ряд способов и путей анализа текстов, позволяющих так или иначе проникать в опыт человека. На наш взгляд, одним из самых надежных следует признать тот, который предоставляет нам так называемая теория речевых действий. Представляет-

ся уместным напомнить, почему данная теория получила высокую оценку у представителей самых разных направлений изучения языка. И даже несмотря на то, что значительная часть исследователей по-прежнему в той или иной мере придерживается постулатов Ф. Соссюра, все-таки они оправданно считают речевые действия более актуальными единицами анализа, если рассмотрению подлежат речевая деятельность и те или иные проявления опыта в языке. Первостепенно значимой семантической единицей в актах функционирования языка является вовсе не слово и даже не предложение как грамматическая конструкция или грамматическое построение, но высказывание или дискурс (текст). Структурный анализ весьма полезен при изучении *la langue*, то есть языка как банка данных о возможностях, которые могут быть актуализированы, осуществлены в *la parole* (речи). Человеческая составляющая и история данной составляющей, особенно в ее гендерном преломлении, полностью исключены при таком подходе. Последний предполагает (или постулирует) язык как закрытую систему, как это убедительно показал Ф. Соссюр. Такая система является автономным образованием, особенности которой вытекают только из характера отношений, в которые вступают между собой, определяя друг друга, ее составляющие [24, с. 121–129].

Подобное видение, безусловно, является выдающимся достижением теоретической мысли. Но оно исключает акт говорения, общения и человеческий опыт. Как подчеркивал Гумбольдт и упомянутый ранее Шлейермахер, а также известные исследователи Соссюра и многие современные выдающиеся лингвисты, общение, коммуникативную деятельность и репрезентацию опыта в них нельзя сколько-нибудь полно объяснить только в терминах структурализма, ибо язык имеет своим основанием жизнь, опыт, он, выражаясь техническими терминами, заземлен или замкнут на жизнь [25, с. 27–33]. По верному наблюдению Ш. Балли, в разговоре, преследующем практические цели, повествование, описание и объяснения на требуемые темы никогда не бывает чисто нарративными, чисто объяснительными или чисто описательными. Но они всегда являются подлинными действиями, и все имеют определенную практическую цель [25, с. 37]. Теория речевых действий как раз и нацелена на установление того, каким образом говорящий с помощью языка совершает адекватный иллокутивный акт. Она открывает возможности рассмотрения функционирования языка в реальных ситуациях общения, что предполагает изучение отношений, возникающих между системой и непосредственным языковым поведенческим актом, или между структурой и событием, структурой и мировидением человека, полностью вытекающим из его опыта или основывающимся на нем. Данная теория позволяет максимально полно использовать преимущества широко утвердившегося в настоящее время антропоцентрического подхода к пониманию языка и процессов, происходящих в нем.

В подтверждение сказанного можно привести результаты проведенного нами сопоставительного исследования вербального поведения в четырех культурах: белорусской, русской, американской и английской. Изучению подлежали значительные массивы записей подлинного общения, состоящие примерно из 40 000 слов текста в каждой культуре и отражающие вербальное поведение носителей языка в разных ситуациях частной и публичной жизни.

Одним из важнейших исходных постулатов исследования было убеждение в том, что основополагающей единицей репрезентации опыта говорящего субъекта в тексте (в нашем случае, в записях интерактивных событий) является, выражаясь словами Дж. Серля, не символ, слово или предложение как грамматическая конструкция, а речевое действие, запечатлевающее производство, возникновение, появление символа, слова или предложения в процессе говорения [26]. Целью исследования были идентификация разновидностей речевых действий в записанных текстах и анализ частотности установленных разновидностей в говорении разных групп говорящих субъектов с целью выявления возможных различий и общих черт в том, как они осуществляют концептуализацию мира, так или иначе репрезентируя свой опыт средствами языка.

Основываясь на фундаментальном исходном постулате, предложенном в приведенном утверждении Дж. Серля, мы смогли осуществить идентификацию речевых действий в нашем материале. В ходе эксперимента широко использовались перечни речевых действий, представленные в известных трудах по теории вопроса. Некоторые наименования пришлось ввести в ходе идентификации, так как существующие классификации не смогли охватить все зафиксированные нами разновидности речевых действий. В результате был получен достаточно внушительный перечень речевых актов. Весьма примечательно, что все разнообразие действий из нашего списка, в принципе, встречается в говорении представителей обоих гендеров, однако пропорции и сфера манифестации для большинства из них оказываются в определенной мере специфичными [27, 28]. Для некоторых из них – весьма, или даже в высшей степени, специфичными. Сказанное особенно верно о действиях, которые, в терминах теории М. Холлидея, можно квалифицировать как матические (*mathetic*) или отношенческие (*relational*), и которые направлены на экспликацию счастья, сопричастности, совместности, привязанности и даже любви [12, р. 7]. Согласно данным анализа частотности употребления обсуждаемых действий в записях подлинного говорения в четырех культурах, они во всей своей совокупности и в отдельных разновидностях реализуются значительно чаще, правда, с определенными особенностями, в зависимости от культурной принадлежности

говорящих субъектов, в вербальном поведении женщин. Сказанное верно и о так называемых актах литании [29], фиксирующих разнообразные жалобы и причитания говорящих, правда, с еще большим размежеванием в зависимости от культурной идентичности коммуникантов.

Не составляет большого труда интерпретировать подобные акты и гендерные различия в показателях частотности их реализации в терминах широко известной теории сексизма в языке. Целесообразно, однако, воздержаться от подобных обобщений. Представляется более оправданным обратить внимание на гораздо менее известную теорию гендерных стратификаций в тексте и языке, инициированную в рамках герменевтического, в частности, библейского направления гендерных исследований и особенно на выводы Шлейермахера, считавшего оправданным говорить о комплементарности и гармонии как важнейших принципах организации языка и значимости всех способов манифестации смысла. Данные выводы представляются весьма оправданными. Не случайно они, правда, в более общем виде относительно задач исследования культуры повторяются в теории дополнительности Н. Бора.

В настоящее время все понимают значимость сохранения разнообразия в природе. Последнее воспринимается как наше общее благо. При этом ученые настаивают на мерах по сохранению и защите всех разновидностей флоры и фауны. Почему же мы должны относиться к языку иначе? Ведь разнообразие и социально детерминированная специфика реализации речевых действий, которая наблюдается в подлинном общении, также является нашим общим достоянием, которое может быть отличной основой для постижения богатств человеческого языка, коммуникативного поведения, культуры и опыта.

Мы полагаем, что лингвистика должна тщательно изучать проявления дополнительности в языке и вербальном поведении вообще и по гендерному признаку в частности, показывать отношения комплементарности, прослеживающиеся в особенностях употребления языка, в сохранении и репрезентации его средствами человеческого опыта во всем его разнообразии и особенностях. Следовало бы составить максимально полный перечень всех речевых действий, встречающихся в общении человека, установить культурные и гендерные особенности каждого из них и представить полученные данные в обобщающем подробном словаре речевых действий. Весьма полезную информацию в таком перечне составили бы данные о социальных (гендерных в том числе) характеристиках включенных в него разновидностей речевых действий. Они бы представили достаточно убедительные и подробные данные для постижения особенностей проявления принципа дополнительности в языке, с помощью которого из всего разнообразия речевых актов строится грандиозная многослойность речевой деятельности, создается величественная система языка как деятельности.

Заключение. Проведя анализ известных бинарных оппозиций, с помощью которых культурологи, лингвисты, герменевты, философы стремятся осмыслить реалии языка и мира, правомерно сделать следующие выводы.

Противопоставление «свой/чужой» интерпретируется как один из базовых параметров отделения себя от других в любой социальной группе. Данное противопоставление актуально для тех работ по проблеме гендерной вариативности в языке, которые обосновывают сексистский подход в использовании языка, раскрывают гендерно-специфические особенности распределения властных полномочий в обществе и вытекающее из них мужское доминирование в языке и речи.

Сущность гендерных отношений, тем не менее, не укладывается в матрицу, возможную или вытекающую только из противопоставления «свой/чужой». Гораздо более глубокое постижение данных отношений возможно с помощью известного понятия классической философии «свое иное», не случайно ставшее базовым в философии постмодернизма.

Для понимания личности, «себя», нужен «другой», чтобы целостно постичь все структуры своего бытия, бытия личности. При этом обращение к другому может быть конструктивным только в случае полного отказа от кого бы то ни было унижения другого. Уважение к иному, другому – единственная основа целостного постижения всей структуры своего бытия, в том числе языкового.

Наиболее точно и исчерпывающе подобное постижение возможно с помощью привлечения теории дополнительности. Несовместимости составляют суть дополнительности. Задача гендерных исследований языка и речи состоит в установлении значимых языковых несовместимостей, различий, позволяющих создать образ целого конкретного гендера или всей палитры гендерных дифференциаций в языке и речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леви-Стросс, К. Первобытное мышление / К. Леви-Стросс. – М. : Академия, 2000. – 497 с.
2. Булыгина, Т. В. Оппозиции / Т. В. Булыгина, С. А. Крылов // Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 348–349.
3. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. А. Розенталь, М. А. Теленкова. – М. : Просвещение, 1976. – 543 с.

4. Маслова, В. А. «Свой» и «чужой» – важнейшая оппозиция в лингвокультуре / В. А. Маслова // Гендер и проблемы коммуникационного поведения : материалов 6-й междунар. науч. конф., Полоцк, 27 – 28 окт. 2016 г. / редкол.: М. Д. Путрова [и др.]. – Новополоцк : ПГУ, 2016. – С. 10–13.
5. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. / Ю. М. Лотман. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
6. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 447 с.
7. Talbot, M. M. Feminism and Language / M. M. Talbot // *Feminism and Postfeminism. Critical Dictionary* / ed. S. Gamble. – New York : Routledge, 2000. – P. 140–147.
8. Tannen, D. Women and Men Talking: An Interactional Sociolinguistic Approach / D. Tannen // *Women, Men and Gender* / ed. M.R. Walsh. – New Haven and London : Yale University Press, 1997. – P. 82–90.
9. Brown, G. Discourse analysis / G. Brown, G. Yule. – Cambridge : Cambridge University Press, 1984. – P. XII–288 p.
10. Путрова, М. Д. Молчание. Коммуникативный и культурологический аспект / М. Д. Путрова // *Proceedings of the 3rd International Scientific and Practical Conference “Arts and Music in Cultural Discourse.* – Rezekne : Augustskola, 2014. – P. 73–80.
11. Путрова, М. Д. Прыказкі і прымаўкі ў сучасным аўтэнтчным маўленні / М. Д. Путрова // *Мова – Літаратура – Культура : матэрыялы VIII Міжнар. навук. канф., Мінск, 15–16 вер. 2016 г. У 2 ч. – Ч. 1.* – Мінск: РІВШ, 2016. – С. 96–100.
12. Halliday, M. A. K. Spoken and Written Language / M. A. K. Halliday. – Oxford : Oxford University Press, 1992. – 109 p.
13. Cameron, D. Rethinking Language and Gender Studies: Some Issues for the 1990s / D. Cameron // *Language and Gender: Interdisciplinary Perspectives* / ed. S. Mills. – London; New York : Routledge, 1995. – P. 31–44.
14. Можейко, М. А. Другой / М. А. Можейко, Д. Е. Майборода // *Новейший философский словарь.* – 2 изд., гл. ред. А. А. Грицанов. – Минск : Интерпрессервис, 2001. – С. 342–343.
15. Деррида, Ж. Голос и феномен / Ж. Деррида. – СПб. : Алетейя, 1999. – 208с.
16. Sartre, J.-P. Being and Nothengness / J.-P. Sartre. – London : Macmillan, 1957. – 352 p.
17. Ricoeur, P. Oneself as Another / P. Ricoeur. – Chicago; London: University of Chicago Press, 1976. – 342p.
18. Тисельтон, Э. Герменевтика / Э. Тисельтон. – Черкассы : Коллоквиум, 2011. – 430 с.
19. Петрановская, Л. Нильс Бор и квантовая революция / Л. Петрановская // *Физика. Энцикл.* – М. : Аванта, 2009. – С. 160–171.
20. Schleiermacher, F. Christmas Eve: A Dialogue on the Incarnation / F. Schleiermacher. – Richmond : John Knox, 1967. – 101 p.
21. Schleiermacher, F. Hermeneutics / F. Schleiermacher. – Missoula : Scholars Press, 1977. – 411 p.
22. Денисова, А. А. Сексизм / А. А. Денисова // *Словарь гендерных терминов ; ред. А. А. Денисова.* – М. : Информация – XXI век, 2002. – С. 200–201.
23. Ruether, R. R. Feminist Interpretation: A Method of Correlation / R. R. Ruether // *Feminist Interpretation of the Bible* / ed. L.M. Russell. – Oxford; New York : Blackwell, 1985. – P. 111–124.
24. Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики / Ф. Соссюр. – М. : УРСС, 2006. – 257 с.
25. Балли, Ш. Язык и жизнь / Ш. Балли. – М. : УРСС, 2003. – 232 с.
26. Серль, Дж. Р. Что такое речевой акт? / Дж. Р. Серль // *Новое в зарубежной лингвистике.* – Вып. 17. Теория речевых актов. Общ ред. Б. Ю. Городецкого. – М. : Прогресс, 1986. – С. 151–169.
27. Путрова, М. Д. Речевые действия переспроса в аспекте гендера / М. Д. Путрова // *Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманит. науки.* – 2017. – № 2. – С. 117–123.
28. Путрова, М. Д. Перформативы обещания / М. Д. Путрова // *Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманит. науки.* – 2018. – № 1. – С. 57–61.
29. Задворная, Е. Г. «Литания» в русском речевом общении / Е. Г. Задворная // *Межкультурная коммуникация: Теория и практика.* – Минск : МГЛУ, 2007. – С. 10–12.

Поступила 29.12.2018

THE THEORY OF COMPLEMENTARITY AS THE METHODOLOGICAL BASIS FOR GENDER STUDIES

M. POUTROVA

The article interprets significant binary oppositions, that is unconscious structures which make it possible to soak into the essence of Gender issue and claims the theory of complementarity to be capable of offering a very constructive solution of Gender problem through inclusion and complementarity as the main principle for comprehension of the reality, communicative behavior, language and Gender stratifications in it. Incompatibilities make the essence of complementarity. Gender studies of language should aim at finding out significant linguistic incompatibilities or differences which help creating the whole: Gender stratification in language.

Keywords: *binary oppositions, us/they, sexism, power, dominance, the other, co-being, respect, incompatibility, multiple approach, inclusion, balance, speech acts.*